

Приложение к № 91 газеты «Великолукская правда»

Творчество великолучан

Олег МИГРОВ

Z. O. V

Вы – слава и гордость России,
Отвага, смекалка и честь,
Нет в мире вам равных по силе,
Но недруги все-таки есть.

Противник наш зол и коварен,
И хитростью подлой богат,
Добрался уже до окраин,
Где вновь раздастся набат.

Вы – стать и надежда России,
Опора и отклик на зов,
И, чем бы враги не грозили,
Ответ неизбежно суров.

Вам множить победы навечно
И летопись славы писать,
Недаром погони на плечи
Вручила вам Родина-мать.

И с верой в Победу Отчизны,
В великий российский народ,
Во имя свободы и жизни,
За Родину, только вперед!

НАШИМ

Вы уходите в ночь,
Завтра будут бои,
Мы желаем вам
Только победы!
Все сомнения прочь
Ради блага страны,
Пусть спокойно
Встречает рассветы.

Если в сердце любовь,
То душа не умрет,
Мы вас любим,
Так знайте, мы с вами!
Вдоль дорог и мостов
Продвигайтесь вперед
Беспощадной волной,
Как цунами.

Только к сильным и смелым
Победа придет,
Благодарностью
К подвигам ратным.
Зная правды и веры
Вручил вам народ,
Возражайтесь живыми
Обратно!

ВСТАВАЙ, РОССИЯ!

Над Саур-Могилой тишина,
Замерли Герои в монолите,
Но пока беснуется война,
У них тоже снят «предохранитель».

Встань, Россия! Защити Донбасс!
Бьется он, врагом непокоренный,
И в тревожный комендантский час
Держится железной обороной.

Детство поколением растет,
Привыкая к взрывам и утратам,
А должно быть все наоборот,
Разве дети в чем-то виноваты?

Встань, Россия, как бывало встарь,
На защиту мира и свободы,
Справедливость, данный свыше дар, –
Добродетель русского народа.

За победой будет мирной жизнь,
На руинах вырастут кварталы,
И Герои поглядят с вершин
На Донбасс, что вместе отстояли.

РОДИНА

Гордимся Родиной своей,
Великой, необъятной,
Хранимой водами морей,
Хребтами пиков статных,
Лесами, ловчими ветров,
И вольными степями,
Под белой пеной облаков
Вверх устремившей храмы,
Хранимой волей и судьбой,
Единством всех народов,
Объединившихся с тобой
Свободно, вольно, гордо,
И под знаменами побед,
Военных и научных,
Несущих миру только свет
Сквозь грозные тучи,
Гордимся Родиной своей,
Любимой и красивой,
Страной талантливых людей
С названием Россия!

К НЕМЦАМ

Что, немцы, вас история не учит
И головы от разума пусты?
Вас англосаксы подбивают кучей
Взять русского медведя за усы.

Вас предадут, как предавали прежде,
Вас бросят у берлоги и сбегут,
А вы, как-будто полные невежды,
Опять под козырек: «яволь!» и «гут!».

Вам предлагалось жить спокойно, мирно,
С оглядкой на историю свою,
А вы готовы встать по стойке смирно,
Доверившись отпетому жульню.

Жизнь повторяется упрямо и циклично,
Но с каждым поколением судьба
Готовит испытания цинично
По-новому, не погубив едва.

И помутнение рассудка от камланий,
Что русские – источник всяких бед,
Вас точно не избавит от страданий,
Ведь правды в этом не было и нет.

Напротив, от торговли только прибыль
К взаимной пользе, никаких обид.
Вам англосаксы предлагают гибель,
Считая только собственным профит.

Что, немцы, нет другой альтернативы,
Чем к русским лезть толпою на рожон?
Симптомы говорят о рецидиве,
Диагноз, хайли лайкли, подтвержден.

В ЕДИНСТВЕ НАША СИЛА

У каждого свое Бородино,
И отступать приходится порою,
Но важно помнить для себя одно:
О беззащитных за своей спиной.

Так пусть Господь позволит нам принять
С достоинством нелегкость нашей доли,
Не посрамить своих отца и мать,
Крепиться верой, презирая боли.

Мы только вместе справимся с бедой,
В единстве строя скрыта наша сила,
И нам опять доверено судьбой
Прогнать то зло, что близко подпустили.

**ЭТО ГОРОД
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ**

Этот город на картах
Лишь точка и мелкая подпись
Среди тысяч таких же,
Других, с непохожей судьбой,
Каждый день сочиняет
Свою летописную повесть,
Ограждая себя от невзгод
Городской чертой.

Этот город живет
Берегами вдоль темных излучин,
Перебросив мосты
На грядущее с прошлых веков,
Тайны верно хранит
И пока до конца не изучен,
Он из самых прекрасных
В России родных уголков.

Этот город – знак доблести
Воинской славы Отчизны,
Кровь защитников стала
Землей для цветущих садов.
Горожане веками
Его создавали для жизни,
И он будет таким
Сохранять их труды и любовь.

Руфина МИХАЙЛОВА

ОТЧИЗНЫ РАДИ

Подумать страшно, броситься в атаку,
Когда кругом гудит стена огня.
Солдат подумал, не впервые в драку,
И в бой вступал. Отчизну заслоня.

Война грохочет по стране, по людям,
И день, и ночь – высотки, рубежи.
Отчизны ради, праздничной и будней.
Солдат воюет, защищая жизнь.

В бою не думает о жизни личной.
Война на это время не дает.
Сраженный пулей, уходя навечно,
Перед родными мысленно встает.

Жалеет только лишь, что до Победы
Не довелось дойти среди друзей.
Но Родина увидит свет свободы.
Увидит и народ Европы всей.

02.2010 г.

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Нельзя забыть войны той годы.
Нельзя забыть все ужасы войны.
Ворвавшись к нам, фашистов орды
Творили зверства на земле страны.

Спасать страну шли всенародно.
Фашизм мечтал кодировать народ.
Желанье наше – быть свободным
Сильнее было, чем фашистский код.

Седыми волосы вдруг стали
И тело в ранах, словно решето,
Не сложенными оставались
Сердца, Отчизне верные, при том.

Не просто с вражьей силой биться,
Нашествие остановить.
Не дать мечте фашизма сбыться;
Народ советский в рабство захватить.

Потомки наши помнить будут,
Свободой завоеванной горды.
И никогда не позабудут,
Кто им вручил свободы той бразды.

06.2012 г.

**ХРАНИ
СВОЙ ДОМ РОДНОЙ**

Храни свой дом родной,
Храни свою Россию,
Нет верности иной,
Такой святой по силе.

Здесь все, что видит глаз:
Поля, леса и реки,
Вселяет гордость в нас.
Нам дорого навеки.

Нас кто-то если вдруг
Вновь захватить захочет,
Сомкнем границы круг,
И враг к нам не проскочит.

Храни свой дом годной,
Ты – юный или старый,
Мы в связке все одной,
Мир не дается даром.

01.2013 г.

НЕ ПОДВЕДЕМ!

Жестокий фашизм к нам ворвался.
Для нас был тяжелым тот год.
Отчизну спасая, поклялся
Свободным остаться народ.

Под танк – с гранатой бросаясь,
О мире мечтал в смертный час.
И, с вражеской силой сражаясь,
Спасал он и будущих нас.

Прогнали врага предки наши,
Их подвиг – пример нам всегда.
Войны избегая, жить краше,
Пусть мирными будут года.

Пока что мы в куклы играем,
По сказкам, как жить, познаем,
Бережь также Родину станем.
Как вырастем, не подведем!

04.2017 г.

ДОБРО

Судьбу зовут мученьем сущим.
Не зная, как помочь себе.
Своей душе, в мечтах живущей.
Встречая день в немой мольбе.

Добро – магическое слово.
Так много в нем заключено!
Творить с добром начните снова.
Не замечая разных «но».

Чтоб новый день не видеть серым.
Проснитесь, улыбаясь вдруг.
Добро дарите полной мерой,
И засияет все вокруг.

05.2008 г.

11.2006 г.

НАД ЛОВАТЬЮ

Чтоб помнили о том моменте,
За что Матросов жизнь отдал.
Над Ловатью на постаменте
Солдатским обелиском встал.

За Родину, за нас с тобой
Солдат сражался в том Аду,
Закрыв страну свою собою,
Чтоб только отвести беду.

Он воевал не для наград,
Шел по велению души.

Сказала Родина: «Так надо!»
Приказы выполнить спешил.

В атаке он застыл навечно
В своем последнем том бою.
Почтим героя мы сердечно,
Склонивши голову свою.

Не позабыть войны ужасной.
Людская память глубока.
Все наши жертвы не напрасны,
Над нами мира облака!

Творчество великолучан

Валентина СПИРИДОНОВА

Сейчас, когда на Украине идет гражданская, страшная и суровая война, направленная на истребление русскоязычного населения, на искоренение всего, что связано с нашей нерушимой, казалось, дружбой, невольно задаюсь вопросом: «А кто предал тогда этих сестер и братьев?» Вот это и были те прихвостни, которые сейчас свободно подняли свои головы.

ПРО

«МАЛОГО ПАРТИЗАНА»

Украинской, певучей, плавной мовой
Мне рассказала моей сватьи мать,
Как трех сестер в годы войны суровой
Немцы с мужьями сумели расстрелять.

В моих стихах война всегда проклята,
Будь дважды, трижды проклята она!
Горели мирные дома и хаты,
И от снарядов плавилась земля...

Страшней всего, что всюду гибли люди,
Повсюду раздавался громкий стон...
И сколько жить я на земле ни буду,
С души моей не испарится он.

А шли уже победные бои...
Врагов с земля любимых изгоняли,
Но из последних сил цеплялись они,
Кровавый след повсюду оставляя.

Остановились в хате на постой,
Хозяйскую семью большую выгнав,
Устроили погром в хате, запой
И после пьянки очень крепко дрыхли.

Про то узнали партизаны,
Незамедлительно пришли они,
И так напододали этим гадам,
Что тут и смерть свою они нашли.

Семья ушла и спряталась в лесу.
Семьи отдельно живших дочерей остались.
Подлец нашелся и донес врагу,
На них в тот день и злоба вымещалась.

Их шестерых погнали на расстрел...
И шестеро фашистов в них стреляли.
С могилой рядом (кто-то подсмотрел),
Как они пили долго и плясали.

И вдруг донесся стон до их ушей,
Кто-то стонал до смерти не убитый...
Из автомата вылил ряд огней
Фашист поганый, изверг недобитый.

Спасти лишь удалось одной сестре.
Осечка, может быть, произошла...
И после выстрела, когда упали все,
Вместе со всеми упала и хата.

Лежала ни жива и ни мертва,
Боясь подняться или шелохнуться,
Даже дышать спокойно не могла,
А в груди мертвых можно задохнуться.

А тут и стон, и выстрелы шальные,
И душераздирающая боль...
Ей автоматной очередью ноги перебили,
И кровь из ран течет теперь рекой.

Но губы закусив и боль превозмогая,
Она не показала, что она жива,

Напившись крови, волчья, вражья стая,
Спокойно от людей этих ушла.

Когда затихло все, когда кругом стемнело,
От тел освободившись, в село она ползла,
От боли холодело тело,
Но в жизни цель ее одна была:

Когда из дома немцы выводили,
Лежал на печке, за печной трубой
Ее кровиночка, сынок ее любимый,
Комочек в жизни самый дорогой.

Но ведь к нему нельзя ползти...
Фашисты дом их занимают.
В другом селе ей люди помогли
И раны на ногах перевязали.

Малыш проснулся. Плакать стал.
Все звал и звал свою родную маму...
И спасть фашистам не давал.
Один из них поднялся утром рано.

Пошел к соседям и сказал:
«Идите, заберите «малого партизана».
И на наган висящий показал,
Не то, он расстреляет из нагана.

Соседи малыша забрали,
И этим жизнь ему спасли.
А на второй день наши наступали,
И всех фашистов перебить смогли.

Вот так, сама роняя слезы,
Мне рассказала моей сватьи мать,
Что «партизан малой»
давно солидный, взрослый,
Но сам об этом не может вспоминать.

Мать инвалидом жизнь прожила,
Всегда молилась, поклонялась Богу.
Ведь Сила Божия жизнь ей спасла,
Чтоб вывела сыночка на дорогу.

Хочу сказать про старую их мать,
Как дочерей своих,
своих зятьев в убранстве,
Чтобы земле, могиле их предать,
В каком увидела она, представьте, трансе?

Она тогда забыла обо всем,
Подранкой-птицей над детьми летала,
И очень долго в погребке чужом
Сухие слезы, горькие глотала.

А хату немцы их сожгли...
И в сердце раны навсегда остались...
До самой смерти шалили они
И острой болью, жгучей отдавались.

Я не видела «малого партизана»,
Но ела мед, им присланный в гостинцы,
И запивала чистой водой
Из Украинской, Винницкой криницы.

Украина. Винница. Август 2004 г.

ВОЙНА

Немцы быстро у нас появились,
Курки-яйки забрали у всех.
В деревнях теперь люди таились,
Не слышался радостный смех.

Нас, раздетых, голодных девчонок,
Расчищать посылали снег...
Мы тонули в огромных сугробах,
Немцы били за это нас всех.

По ногам прикладами били,
По рукам били нас, по спине.
Одно слово, как попки, твердили,
Во все горло орал: «Шнель! Шнель!»

По расчищенной нами дороге
На Москву танки немцев пошли...
А у нас, у девчонок голодных,
Из глаз горькие слезы текли.

Но недолго они наступали!
В такой же жестокий мороз
На наших глазах отступали,
Закутав портянками нос.

Фронт катился все дальше и дальше
С разоренных войною краев.
Нас, девчонок, теперь отправляли
Добывать на болоте торф.

Ох! Работа эта нелегкая!
По колено в трясине бродить,

А от тяжести торфа мокрого
В животе голодном урчит.

А еще хуже рвота откроется,
А ты нормы не сможешь дать...
Тот паек, что за норму отводится,
В половину начнут урезать.

Распухали ноги от холода,
На ступни было больно ступать.
Если б не были мы тогда молоды,
На болоте могли умирать.

Дрожали руки от голода,
Ноги в коленках дрожали,
А в глазах будто мухи черные
Назойливо, часто летали...

Лопата большая, тяжелая,
Торфяной тяжел толстый пласт.
А одежда холодная, мокрая
Не грела нисколько нас.

Мы и плакали, мы и пели,
И на небо глядели с мольбой...
Дни тогда, как сейчас, не летели,
Дни задержаны были войной.

Вот сейчас отказали ноги...
А причина отказа одна:
Отбиты прикладом, потом отморожены,
Когда трудовинность несла.

В выходной отдохнуть не давали.
На платформе погружат гурьбой.
В Великие Луки отправят
Разбирать завал городской.

Сначала пройдут саперы,
Прощупают все, нет ли мин...
А потом уже мы работаем,
Разбирая, за грунтом следим.

Нам паек сухой выдавали,
А вот воду мы брали с собой.
Воду в бочках тогда доставляли,
Дефицит был с водой питьевой.

А назавтра опять на болото
Нас на платформе везли...
Мы б на печке погрелись с охотой,
Отдохнуть с родными могли...

Но мы торфом ковали Победу!
Торф, как топливо, нужен стране.
И каким бы тяжелым труд ни был,
Выполняли мы нормы все.

А иной раз прямо над нами
Немецкая «рама» летит,
Сквозь линию фронта прорвалась,
Город начнет бомбить.

Представьте, часто срабатывал
«Подлый», противный закон –

Разбомбленным повторно оказывался
Расчищенный нами район.

И мы снова его разбираем,
Глотая осевшую гарь.
Деревья в парке сажаем,
Чтобы город родной процветал.

Мы в тылу вершили Победу!
Мы – девчонки, мальчишки-подростки.
Нам вручили награды за это...
Нам бы – семечек лучше по горстке.

Ведь медаль эту в рот не положишь,
Родных ею не угостишь.
Послевоенный голод
Лебедой одной утолишь.

Но не ржавеет золото и не тускнеет сталь,
Я – стара, но ношу ее смолоду,
Драгоценную эту медаль.

Отремела с потерь миллионами
Эта страшная в мире война.
В редкий дом в стране похоронная
За годы войны не пришла.

Но зато долгожданной и радостной
Победа для всех нас была.
И дожив, пережив все до старости,
Подтверждаю я эти слова.

г. Великие Луки, 2011 г.

Василий СОТНИКОВ

* * *

О, речка Ловать дорогая,
На небе гладь и синева,
На крепость – горочка крутая,
Кругом зеленая трава.

Вот плит гранит с звездой вечной,
Матросов рядышком стоит.
Напала грусть с тоской сердечной,
О злой войне душа болит.

Фашистов сила напала,
Громила, била, рвала нас,
Удача часто тут спасала,
Когда на минимум запас.

К чему нужны все эти муки,
Ведь жизнь у нас дана одна.
Зачем же мазать кровью руки,
Пусть будет проклята война.

Четыре года боль мучений,
Мой город весь почти сожгли,

От злых немецких заключений
С трудом избавиться смогли.

За что же гибли люди страшно,
Чтоб ты родной здесь в мире жил,
Не прожигал тут жизнь напрасно,
Минутой каждой дорожил.

Чтоб мог ты видеть речку, травку,
Сиянье звезд в небе ночном,
Бродить по старенькому парку.
Не забывай о горе том.

Будь благодарен ветеранам,
Кто нас от зла освобождал,
Не предавал значенья ранам,
За землю нашу воевал.

Кто отстоял свободу с честью,
Пусть обретут души покой,
И разлетятся строчки вестью,
Не будет злой войны такой.

ПАМЯТИ ВИТИ ЧЕРЕВИЧКИНА

Не знаю даже и с чего начать:
Шел сорок первый год в календаре,
Фашисты на Ростов стали шагать,
Ноябрь вспыхнул в огненной жаре.

И взяли немцы наш старинный город,
Поступки кровожаднее зверей –
Им все равно, кто стар, а кто был молод –
Убийство беспощадное людей.

Неподалеку от штаба немцев
Наш Черевичкин Витя проживал,
Прогнать с земли хотел он чужеземцев
И голубиной почтой помощь звал.

У дома – голубятня из сарая,
Там парень голубей своих держал,
Той роковой судьбы своей не зная,
Любимых птиц он в небо посылал.

И, как всегда, выходя из дома,
Направился, чтоб живность покормить,
Но не успел добраться он до корма,
Лишь только дверцу птичника отворить.

А у сарая ждал шакал немецкий,
В штаб паренка за куртку потащил,
Пропитан кровью взгляд фашиста дерзкий,
Он юного парнишку не щадил.

Наш Город воинской славы
В смертельных боях побывал,
Снаряды – немецкие сплавы –
Бомбили, в огне весь пылал.

И плакали русские дети,
Видя жестокость войны,
Колючих проволок плети
Военной судьбы стороны.

Стрекочат везде пулеметы,
Родные избы горят,
Врагом построены дзоты,
Летят пули в наших ребят.

Война с горькой слезою,
Ведь плакала каждая мать.
Готовился сын к кровавому бою,
За землю чтоб жизнь отдать.

А смерть не стала напрасной,
И город из пепла восстал,
Вы сделали жизнь нашу прекрасной,
Спасибо всем, кто воевал.

Настигла Витю смерть в 16 лет,
Расстрелянный с птицей лежал.
И навсегда покинув белый свет,
Он в памяти героем нашим стал.

Нет, не дожил всего лишь дня
До той поры, как русские вошли,
В Братской могиле его тело захороня,
Солдаты с почестями к матери пришли.

Летите голуби вверх в облака
И передайте Витеньке поклон.
А в нашем сердце память на века
Жива, а значит – жив и он.

РОССИЯ

Гордись страной, в которой ты родился,

Могучая, великая страна,
Где, проливая кровь за землю,
каждый бился.

Россию не сломила ужасная война.

Вторая мировая наполненная смертью,
Загубленные жизни, сожженные мосты.
К нам шел фашист с напастью
за нашей русской властью,
Сжигал наши деревни
и ставил здесь посты.

Окутанная дымом Россия дорогая
Не встала на колени,
не встанет пред врагом.

Русский народ, тебя от зла оберегая,
Врага погонит прочь
керзовым сапогом.

А лет с войны прошло уже немало,
Но мы все помним горечь этих дней.
С Победой солнце ярче светить стало,
И нет земли любимей да родней.

Ты видела здесь смерти сыновей,
Отцов и матерей своих теряла,
Рыдала от разрушенных церквей,
Свою судьбу с честью отстояла.

Эх, Мать Россия, я тобой горжусь.
Не пред одной войной тут устояла.
Прости за то, что иногда сержусь,
Ведь очень часто ты и так страдала.

«Жил в Ростове Витя Черевичкин...»: ростовчане до сих пор помнят юного героя

Великая Отечественная война сплотила и подняла на защиту Родины миллионы советских граждан. Были среди них и совсем юные патриоты. Не только комсомольцы, но и пионеры – подростки пятнадцати, четырнадцати, тринадцати и даже десяти лет, участвовали в сопротивлении гитлеровским оккупантам, сражались в рядах регулярных соединений в качестве «сыновей полка» и в партизанских отрядах. Особенно незаменными маленькими защитниками своей страны оказывались в качестве связных и разведчиков, действовавших в тылу противника. Пожалуй, каждый советский город или сельский район, оказавшись в оккупации, имел таких юных героев. Некоторые из них получили всеобщую известность, другие так и остались в памяти лишь родителей, друзей да товарищей по партизанским отрядам и подпольным группам.

«Кровавая неделя» первой оккупации Ростова

В советское время всю страну облетела песня «Жил в Ростове Витя Черевичкин...». Ее знали и слушали даже те люди, кто никогда не был в Ростове-на-Дону и был мало осведомлен о самой фигуре юного героя, о том, почему он удостоился всеобщей известности и уважения. До сих пор не утихают споры – не только «на кухне», но и среди вполне солидных краеведов, историков, журналистов о фигуре Вити Черевичкина и сути его подвига. Одно остается фактом – Витя, безусловно, реально существовал и реально был расстрелян немецкими оккупантами без суда и следствия во время первой оккупации Ростова-на-Дону в 1941 г. Доказывается это не только фотоснимками, но и воспоминаниями многих очевидцев, и, что самое главное, существованием реальных родственников, знакомых, соседей Вити Черевичкина, некоторые из которых живы и по сей день.

Витя Черевичкин в официальной советской истории имеет статус «пионера – героя». В Ростове-на-Дону среди героев – подростков он самый знаменитый и популярный, даже более популярный, чем разведчик Ростовского стрелкового полка народного ополчения тринадцатилетний Саша Чебанов. Хотя посмертного звания Героя Советского Союза Витя так и не был удостоен, в послевоенный период было сделано достаточно много для увековечения его имени – открыли одноименный парк, переименовали в честь юного героя одну из улиц Нахичевани – района города, где жила Витина семья, повесили мемориальную доску, поставили памятник. О Вите Черевичкине вплоть до крушения советской системы патриотического воспитания знал каждый ростовский школьник и многие жители страны, никогда ростовчанами не являвшиеся. И это при том, что информации о том, чем в действительности занимался в период боев за Ростов и последующей оккупации шестнадцатилетний ростовчанин, практически нет в доступе историков и журналистов.

В ночь на 21 ноября 1941 г. подразделения 56-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова и ополченцы из Ростовского стрелкового полка народного ополчения обороняли Ростов-на-Дону от гитлеровцев и их союзников. В конечном итоге превосходящим по технике и вооружению соединениям вермахта удалось прорвать линию обороны Ростова и войти в пределы города. Не-

смотря на героическое сопротивление военнослужащих и ополченцев, гитлеровцы продолжали теснить защитников города, оборонявшихся на баррикадах. В конечном итоге части 56-й армии были вынуждены отступить на левый берег реки Дон, в район Батайска.

Захватившие город немцы приступили к массовым расправам над местным населением. При этом уничтожали не только обнаруженных военнослужащих, пытавшихся скрыться от оккупантов, или партийных работников, но и рядовых граждан. В исторических источниках оккупация Ростова-на-Дону в ноябре 1941 г. получила название «кровавой недели» – настолько жестокими были действия гитлеровцев в отношении местного населения. Жертвой захватчиков в эти дни мог стать любой ростовчанин, оказавшийся, как говорят, «вне в то время не в том месте». Озверевшие немцы убивали людей направо и налево, могли запросто открыть огонь по случайным прохожим или очереди в магазин. При этом массовые убийства еще не приобрели той централизации, которая имела место в 1942 г., во время повторной оккупации Ростова-на-Дону, когда десятки тысяч советских граждан (27 тысяч человек) были уничтожены в Змиевской балке. Однако в парке Фрунзе расстреливали и пленных красноармейцев, и ростовских коммунистов и комсомольцев, и просто жителей города, попавших под подозрение в сотрудничестве с советской армией или в антинемецкой деятельности.

Ростовчанка В. Варивода вспоминает: «Мне было 23 года. У меня был маленький ребенок, поэтому я старалась как можно меньше выходить на улицу. Жила в основном слухами. Больше всего меня потряс расстрел жителей около парка имени Революции. Кто-то убил немецкого офицера, и вот ночью согнали всех жителей квартала и расстреляли на углу. Фашисты хотели тем самым запугать население. Показать, как жестоко они будут действовать, устанавливая «новый порядок» (Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону, 2006)».

Черевичкины

К моменту оккупации Вите Черевичкину было 16 лет. Он ро-

дился в 1925 году в обычной ростовской семье. Витин отец Иван Алексеевич работал кузнецом на заводе «Ростсельмаш», мать Фекла Васильевна трудилась дворником. То есть жили Черевичкины бедно, тем более что и детей у них было четверо – сыновья Саша и Витя, дочери Аня и Галя. Жила семья на 28-й линии, недалеко от пересечения с улицей 2-й Майской (ныне – улица Черевичкина).

Район, где жили Черевичкины, – Нахичевань, – изначально был отдельным от Ростова-на-Дону городом, заселенным в конце XVIII века переселенцами из Крыма Екатериной Второй армянами. После объединения с Ростовом в Нахичевани стала расти и численность русского населения, особенно после того, как неподалеку был построен завод «Ростсельмаш». Рабочие «Ростсельмаша» селились как в рабочих поселках завода – Чкалова, Орджоникидзе, Маяковского, так и в старой Нахичевани. Черевичкины жили в одной комнате шестером. Жили бедно, часто недоедали. Когда началась война, глава семьи – Иван Алексеевич – ушел в армию. Перед началом оккупации в соседней Батайск эвакуировали 18-летнего старшего сына Сашу – ему предстояло вскоре пойти в армию, а призывников советское военное командование приняло решение эвакуировать, чтобы они не были уничтожены или угнаны в плен оккупантами. В городе остались мать Фекла Васильевна, шестнадцатилетний Витя и две дочери – Аня 12 лет и Галя, которой было всего три годика.

Юный Витя Черевичкин учился в 26-й, затем в 15-й школе, а потом перевелся в ремесленное училище – осваивал профессию слесаря. Он учился ремонтировать авиационные моторы во 2-м училище – в те годы это была хорошая специальность, гарантировавшая достойный и стабильный заработок, а главное – перспективы дальнейшего образования, вплоть до авиационного – мечты всех тогдашних мальчишек. В училище еще и кормили, что для многодетной семьи было существенным подспорьем – ведь четверых детей на зарплату рабочего и дворничихи прокормить было весьма сложновато. В общем, был Витя Черевичкин обычным ростовским мальчишкой со вполне заурядной судьбой и типичными для того времени интересами. И Витя, и его старший брат Саша очень любили голубей.

Это сейчас голубеводством занимаются лишь оставшиеся в живых старики, еще заставшие эпоху массового увлечения голубями, да отдельные редкие энтузиасты. А в советское время разведение голубей было очень популярным, в особенности в Ростове-на-Дону. Ростов считался одной из столиц советского голу-

беводства, и голубятни еще в 1980-е гг. встречались практически на каждой улице города, в особенности в частном секторе. Широкою известность получили три ростовские породы голубей: ростовские белогрудые, ростовские чистяки-чилики и ростовские цветные. Хотя мода на голубей среди ростовской молодежи давно сошла на нет, до сих пор в городе еще можно встретить отдельные голубятни, за некоторыми из них ухаживают пожилые ростовчане, посвятившие свою жизнь этому удивительному увлечению.

Когда Витя Черевичкин и его брат были подростками, голубеводство было в особом почете среди ростовского взрослого и мальчишеского люда. Голубятники составляли особую, как сказали бы социологи, субкультуру со своим «профессиональным языком», общностью интересов и даже характерной походкой вразвалочку. Для многих мальчишек хороший голубь в те годы был предметом настоящей зависти. В семье Черевичкиных наиболее заядлым голубеводом был именно Виктор.

Военные голуби

Большое значение голубеводству придавал и ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – предтеча ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту). Объяснялось это тем, что вплоть до конца Второй мировой войны во многих вооруженных силах мира почтовые голуби использовались для доставки военной корреспонденции. Именно ОСОАВИАХИМ

взял на себя кропотливую работу по организации научного голубеводства в Советском Союзе. В 1925 г. был создан единый центр голубинового спорта при Центральном совете ОСОАВИАХИМа СССР, рассматривавшийся как орган координации деятельности обществ любителей голубинового спорта.

В частности, был создан питомник почтовых голубей в МГУ им. М.В. Ломоносова, военно-почтовые голубиные станции появились в нескольких городах Советского Союза. Соответственно, популяризовывалось разведение почтовых голубей и среди советских школьников и студентов, числившихся членами ОСОАВИАХИМа. Выведенных голубей молодые люди передавали военно-почтовым станциям, откуда их забирали в воинские части РККА, отвечавшие за почтовую связь между войсковыми подразделениями. Руководство по боевой подготовке войск связи РККА для частей военного голубеводства было опубликовано в 1930 г., военные тренеры-селекционеры, занимавшиеся разведением почтовых голубей, получили отдельную военно-учетную специальность и находились на особом учете.

Советское военное командование относилось к голубиной почте очень серьезно. Так, с началом военных действий в целях недопущения возможного использования почтовых голубей вражескими шпионами, частным лицам предписывалось сдавать голубей в отделения милиции (за исключением лиц, стоявших на особом учете в Наркомате обороны и ОСОАВИАХИМе). Командование немецких оккупационных войск также предписывало населению оккупированных территорий немедленно сдавать голубей под страхом расстрела. В свою очередь, советские войска активно использовали голубей для доставки фронтовых донесений, и голуби с возложенными на них задачами справлялись достаточно эффективно.

В годы Великой Отечественной войны, по свидетельству историков, голуби доставили свыше 15 тысяч писем. Вплоть до 1944 г. голуби использовались в интересах военной разведки на большинстве направлений. Крылатые защитники Родины несли не меньшие потери, чем части, укомплектованные людьми. Каждые два месяца погибало до 30 % почтовых голубей – они становились жертвами снарядов и осколков, более того – вермахт активно использовал для борьбы с почтовыми голубями специально обученных соколов и ястребов – «перехватчиков». Использование голубей в качестве средства оперативной связи военных подразделений подошло к концу лишь после окончания Второй мировой войны, в связи с ростом технического прогресса и оснащения вооруженных сил современными средствами связи.

Погиб с голубем в руках

Когда немцы оккупировали Ростов-на-Дону повторно, в июле 1942 г., одним из первых приказов оккупационных властей был запрет на разведение голубей городскими жителями. Но в период первой оккупации, длившейся всего неделю, командование вермахта не успело выпустить соответствующее постановление. Тем не менее ко всем лицам, разводившим голубей, отношение было очень подозрительным.

(Окончание на стр. 8)

«Жил в Ростове Витя Черевичкин...»: ростовчане до сих пор помнят юного героя

(Окончание.
Начало на стр. 7)

Попал «под колпак» оккупантов и ростовский пэтэушник шестнадцатилетний Витя Черевичкин. Тем более немецкий штаб располагался недалеко от дома Черевичкиных, и у гитлеровцев были все основания подозревать юного соседа в работе на советскую военную разведку. Ведь случаи арестов и расстрелов голубеводов на оккупированных территориях имели место и в других городах.

28 ноября 1941 г., как вспоминает сестра Вити Черевичкина Анна Ивановна, ее брат около двух часов дня отправился кормить голубей. Через полчаса Витя появился во дворе дома под конвоем вооруженного немецкого солдата. Гитлеровец подвел Витю к сараю, где находилась голубятня. Очевидцы были уверены, что сейчас немец расстреляет парня прямо у них на глазах – за разведку голубей. Однако немец потребовал от Вити голубей убить. Витя открыл леток, и голуби вылетели на улицу. Немецкий конвоир повел Черевичкина в штаб. Больше родственники его не видели. Как сообщили очевидцы, Витю схватили немцы, заметив, что он подбросил в небо нескольких голубей как раз в тот момент, когда над районом пролетал советский военный самолет. Этого оказалось достаточно, чтобы оккупанты утвердились во мнении: Черевичкин или разведчик, или авианаводчик советских войск.

Вечером того же дня соседка Черевичкиных рассказала матери и сестре Вити, что немцы конвоировали Витю в сторону парка им. Фрунзе. В первые дни оккупации это место уже успело печально прославиться среди ростовчан – там немцы расстреливали красноармейцев, ополченцев и попавших под подозрение мирных жителей. Витя был избит – очевидно, в штабе его били, пытаясь выбить признания о сотрудничестве с советским командованием.

Родственники стали искать брата утром 29 ноября. В этот день по всему Ростову были слышны выстрелы и залпы орудий. Части 56-й армии и народного ополчения наступали через реку Дон, освобождая город от оккупантов. Мать Вити Фекла Васильевна и сестра Аня обыскали весь парк Фрунзе, забитый телами расстрелянных ростовчан. Но Вити среди трупов не было – нашли лишь одного подростка, но это был не Черевичкин. Вечером 29 ноября вместе с красно-

армейцами вернулся и старший сын семьи Черевичкиных Саша. Вскоре к нему пришел сосед Тютюников и рассказал, что в парке Фрунзе лежит труп Вити Черевичкина. Юноша лежал в форменной куртке ремесленного училища, с мертвым голубем в руках. Шапку и калоши, которые были на Вите в день, когда его последний раз в жизни видели родственники, на трупе не нашли – видимо, кто-то из мародеров снял добротные вещи с расстрелянного парня.

Соседи и старший брат решили не везти тело Вити домой, чтобы не травмировать окончательно и так сходящую с ума от горя Феклу Васильевну. Обратились к военному командованию с просьбой – похоронить Виктора Черевичкина в парке Фрунзе вместе с расстрелянными и погибшими военнослужащими. В летнем кинотеатре делали гробы, а в центре парка в начале декабря погибшие были похоронены – в большой братской могиле. Однако Витя Черевичкин не был военнослужащим регулярной армии. Поэтому его имя на плитах, установленных после войны над братской могилкой в парке Фрунзе, так и не появилось.

Когда в 1994 г. городские власти приняли решение увековечить память о погибших красноармейцах, похороненных в парке Фрунзе, и высечь на мемориале «Скорбящая мать» имена всех похороненных здесь людей, Анна Ивановна – сестра Вити Черевичкина – обратилась в районный военный комиссариат с

просьбой нанести на мемориал и имя своего брата, но ей отказали, так как Витя не являлся кадровым военным или призывником. Долгое время продолжалась борьба за увековечение имени Вити Черевичкина на мемориале, потребовалось даже взятие свидетельских показаний у людей, бывших очевидцами похорон Вити Черевичкина после его убийства в парке Фрунзе. Лишь в 2001 году на мемориале «Скорбящая мать» в сквере им. Фрунзе на одну из могильных плит было нанесено имя Виктора Ивановича Черевичкина.

Когда 29 ноября 1941 г. Ростов-на-Дону первый раз освободили советские войска, средства массовой информации Советского Союза стали тиражировать сообщения о зверствах оккупантов во время оккупации Ростова, так как Ростов-на-Дону был первым крупным советским городом, освобожденным от немецко-фашистских захватчиков. В советских газетах публиковались и фотографии погибших ростовчан, среди которых была и облетевшая весь мир знаменитая фотография мертвого Вити Черевичкина с голубем в руках. Кстати, эта фотография была подшита к материалам Нюрнбергского процесса над руководителями гитлеровской Германии в качестве одного из доказательств совершения гитлеровцами чудовищных преступлений против мирного населения на территории Советского Союза.

Витя Черевичкин был героем в любом случае

После окончания войны в честь Вити Черевичкина переименовали в честь героя улицу 2-ю Майскую, где жила его семья, установили памятник и мемориальную доску. Александровский сад – один из парков на бывшей границе Ростова и Нахичевани, после их объединения оказавшийся в центре города, был назван детским парком им. Вити Черевичкина. В 1961 г. в парке воздвигли бронзовый бюст Вити Черевичкина с голубем в руках. К бюсту примыкает мемориальный пилон с барельефами юных героев советской пионерии – Зины Портновой, Лени Голикова, Марата Козея и других маленьких воинов.

Судьба родственников Вити сложилась по-разному. Отец Вити – Иван Алексеевич Черевичкин, пройдя всю войну, вернулся домой живым. А вот брату Александру не посчастливилось – он был призван в феврале 1942 г., а в августе 1943 г. погиб в боях на Миус-фронте. Фекла Васильевна и ее дочери после повторного освобождения Ростова в 1943 г. вернулись из эвакуации и долгое время жили в поселке Ясная Поляна – что в Кизитеринской балке, между Нахичеванью и казачьей стани-

цей Александровкой, впоследствии также вошедшей в состав города. Квартиру Черевичкиных на 28-й линии заняли другие люди, пока Фекла Васильевна и дочери были в эвакуации. Но семья не сильно переживала по этому поводу – мать все равно не смогла бы жить в доме, откуда увели на смерть ее младшего сына Виктора и где все напоминало о сыновьях, отобранных у нее войной.

После десяти лет работы на заводе «Красный Аксай», Анна Ивановна Аксененко – сестра Вити Черевичкина – получила собственную квартиру, также в Пролетарском районе Ростова-на-Дону. В годы войны, еще совсем подростком, она работала на «Ростсельмаше» – изготавливала мины. Долгое время, пока была жива мать Вити Черевичкина Фекла Васильевна, ее и сестер Анну Ивановну Алексеенко и Галину Ивановну Миронову регулярно приглашали на памятные мероприятия в честь Вити Черевичкина в детский парк, носящий и по сей день имя юного героя, где их чествовали ростовские школьники.

И все же был или не был Витя Черевичкин подпольщиком? Прямых данных о том, что Виктор сотрудничал с советским военным командованием в Батайске и выполнял разведывательные поручения, находясь в оккупированном немцами Ростове, не имеется до сих пор. Возможно, именно отсутствие прямых доказательств участия Вити в подпольной деятельности и объясняет тот факт, по которому ему так и не было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Однако, по воспоминаниям сестры Анны Ивановны, после освобождения Ростова домой к Черевичкиным пришла группа из пяти советских офицеров, которые выразили соболезнования по поводу погибшего сына (офицеры, как вспоминает сестра героя, были грязные и мокрые – то есть направлялись к Черевичкиным чуть ли не с передовой). Вряд ли в условиях военного времени, когда в городе гибли сотни мирных жителей, командование отправило бы нескольких офицеров выражать соболезнования родственникам, если бы погибший не имел отношения к обороне Ростова.

Другим доказательством участия Вити Черевичкина в разведывательной работе назы-

вают таинственное исчезновение голубей из его голубятни. В тот злополучный день, когда Витя выпустил птиц на глазах немецкого солдата, они вылетели из голубятни и расселись на крышах дома и дворовых строений. На следующее утро их уже не было, хотя голуби всегда склонны возвращаться в голубятню. Объясняется это может тем, что голубятня этих голубей в действительности находилась в Батайске, куда Витя и отправлял их с письмами – донесениями.

Как бы там ни было, но подвиг Вити Черевичкина неоспорим. Этот юный ростовчанин поступил как настоящий герой, не поступившись своими принципами. Во-первых, он отказался избавляться от голубей после оккупации города, хотя предлагал, чем это может ему грозить. Во-вторых, он не стал убивать голубей по приказу немецкого солдата, а спас им жизнь, отпустив их на волю. Наконец, Витя не просил о пощаде, не стал сотрудничать с немцами, а мужественно принял смерть, до конца сохраняя верность и своей Родине, и своим маленьким пернатым друзьям. А память о Вите, как и подобает настоящим героям, сохранилась в народной песне.

Илья ПОЛОНСКИЙ
<https://topwar.ru/>

Жил в Ростове Витя Черевичкин,
В школе он отлично успевал.
И в свободный час всегда обычно
Голубей любимых выпускал.

Припев:
Голуби, мои вы милые,
Улетайте в солнечную высь.
Голуби, вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись.

Жизнь была прекрасной и счастливой,
О, моя любимая страна
Юность, ты пришла с улыбкой милой,
Но внезапно грянула война.

«Дни пройдут, победа – красной птицей,
Разобьем фашистский черный шквал.
Снова в школе буду я учиться!» –
Так обычно Витя напевал.

Но однажды мимо дома Вити
Шел отряд захватчиков-зверей.
Офицер вдруг крикнул: «Отберите
У мальчишки этих голубей!»

Мальчик долго им сопротивлялся,
Он ругал фашистов, проклинал,
Но внезапно голос оборвался,
И убит был Витя наповал.

Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби, вы сизокрылые,
Видно, сиротами родились.
Голуби, вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись...

